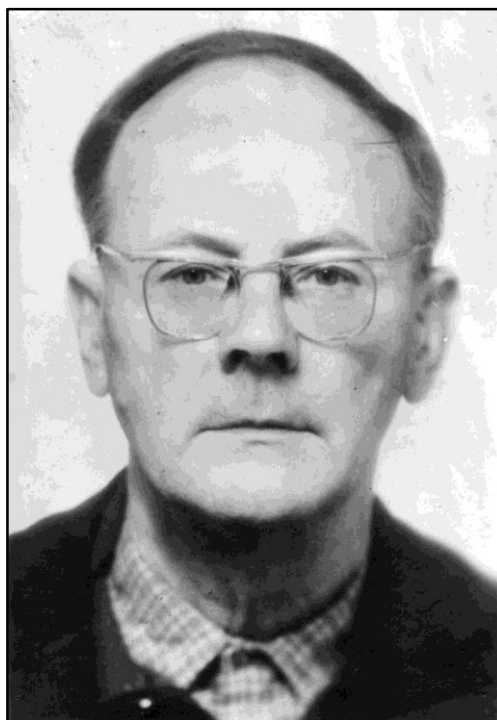

Николай Ефимович Курочкин

Замечательный исследователь переменных звезд Николай Ефимович Курочкин родился в Москве, на территории Свято-Данилова монастыря, 1 сентября 1923 г. Окончив 9 классов школы, он пошел работать. До войны Николай Ефимович успел поработать в Московском планетарии, в библиотеке Высшей партийной школы, и наконец, в ГАИШ; астрономия была мечтой его жизни, которая, кажется, начала сбываться. После начала войны он по собственному желанию перешел работать на завод, чтобы приносить непосредственную пользу обороне. Он настолько верил в скорую победу, что не хотел эвакуироваться из Москвы. Это сочли желанием остаться в оккупации и перейти на сторону врага. 18-летнего юношу арестовали. Видимо, сотрудник НКВД, который вел его дело, пожалел мальчишку. Он оказался в психиатрической тюремной больнице в Казани, где его использовали в составе обслуживающего персонала. На свободу Н.Е. Курочкин вышел в феврале 1946 года. Явно под диктовку опытных товарищей (чувствуется стиль Б.В. Кукаркина) он написал покаянную автобиографию. В апреле 1946 г. Н.Е. Курочкин был вновь принят на работу в ГАИШ и впредь с институтом не расставался. Впоследствии он получил вечернее высшее образование по астрономии на физфаке МГУ.

Николай Ефимович так и не защитил никаких диссертаций, хотя начальство долгие годы настаивало. Похоже, он попросту не смог преодолеть нежелание сдавать экзамены. Материала для диссертации (и, пожалуй, не одной) ему всегда хватало. Он был страстным наблюдателем, проводившим много времени у телескопа на разных обсерваториях. Он открыл множество переменных звезд, особенно любил так называемый

гарвардский (позитивно-негативный) способ поиска переменных звезд по фотографиям. В 1950-е годы им выполнено интересное исследование встречаемости переменных звезд типа RR Лиры в широких окрестностях шаровых звездных скоплений, где был сделан вывод, что многие такие звезды в галактическом поле – выходцы из скоплений. Пожалуй, самое знаменитое открытие Н.Е. Курочкина – первое в истории астрономии отождествление космического рентгеновского источника (Геркулес X-1) с переменной звездой (HZ Геркулеса). Этот результат 1972 года, опубликованный в "Астрономическом циркуляре", любимом журнале Н.Е. Курочкина (не любившего писать длинных статей), до сих пор часто цитируют. Н.Е. Курочкин – автор ряда полезных программ обработки наблюдений переменных звезд на ЭВМ. В последние годы жизни он активно осваивал персональный компьютер, нечастое явление среди ученых его возраста.

Н.Е. Курочкин не обзавелся семьей и в последние годы в одиночку боролся с ухудшением здоровья. Он умер 28 июня 2003 г., чуть-чуть не дожив до 80-летия. После его смерти оказалось, что Николай Ефимович на свои средства выпустил под псевдонимом несколько интересных книг. Похоронен Н.Е. Курочкин на Даниловском кладбище в Москве, всего в километре от места, где появился на свет.

Н.Н. Самусь

«ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ»

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ МОСКОВСКОГО ПЛАНЕТАРИЯ.

Мои встречи с Московским Планетарием.

Моя первая встреча с Московским Планетарием состоялась в конце 30-х гг. Это был первый школьный кружок Юных Астрономов при Планетарии, организованный по инициативе самих школьников. Основатели его – двое московских школьников, Юрий Выходцев и Борис Юрков, пришли в осенний день 1937 г в Планетарий с предложением организовать кружок любителей астрономии. Они попали к талантливому лектору Планетария Виталию Алексеевичу Шишакову, весьма доброму и отзывчивому энтузиасту пропаганды астрономических знаний. Скоро в "Пионерской Правде" было опубликовано объявление о первом занятии кружка и впервые недели около полусотни ребят разных возрастов начали регулярные встречи с лекторами Планетария, начались занятия и лекции под звездным куполом Планетария. Планетарий тоже переживал свой юный возраст. Он был построен в 1929 г.

Стоит вспомнить это время – для нашей страны это было начало тяжелой самоотверженной работы по индустриализации страны, по выводу её из нэповского тупика. От всего народа требовалось необычайное напряжение сил и средств. Воссоздавать передовую в мировом масштабе индустрию приходилось собственными силами. Американская помощь не ожидалась, в капиталистическом мире бушевал очередной экономический кризис. Мы были окружены враждебными капиталистическими странами.

И в этих условиях был создан новый культурный центр – один из лучших в мире планетариев. Молодая пролетарская страна умела ценить культуру.

И по размерам купола и по изящному внешнему архитектурному облику Московский Планетарий был выдающимся произведением. По размерам подкупольного пространства он был вторым (если не первым) в мире. Когда в зале планетария гас свет, несколько секунд лектор давал привыкнуть глазам к темноте. Обычно, в те времена в темноте не раздавались мяуканье или дикие крики, присущие нашим современным кинотеатрам: народ был выдержанный и воспитанный. И когда через мгновение над головой вспыхивали тысячи звезд – вздох

восхищения пролетал в зрительном зале. Это была не иллюзия звездного неба – а более полная и красивая картина звездного неба, которую нельзя было увидеть в городских условиях.

Когда знакомство с звездным небом и лекция шли к концу, лектор снова умолкал, зрители в тишине ждали рассвета. Светлело небо под куполом Планетария, одна за другой исчезали слабые звёзды, а на востоке разгорался рассвет. И розовые облачка появлялись и быстро уходили за горизонт. И вот уже вспыхивали первые лучи солнца. Раздавался гимн Москве. Вдоль горизонта Планетария становились видны контуры наиболее примечательных зданий Москвы: Кремль и Манеж, колокольни кремлевских церквей и Василий. И где-то там, внизу подразумевались и Красная Площадь, и Васильевский спуск, и Манежная площадь – колыбель Нашей и Вашей Свободы.

Рассказывают, один иностранец вылез, как морлок, из подземного магазинного великолепия Манежной площади и стал приставать к прохожим: а где тут у вас Кремль? Никак потом не мог понять, а зачем тут собственно Кремль!

А мы не можем понять, где, собственно, тут Манежная площадь – из миллионных толп которой вытекли мы все (90%) и те 10%, которые посещают 90% магазинов Москвы – бесчисленные мебели и сантехники, и запчасти, и кинотеатры, превращенные в салоны.

Вот и Планетарий, контуры которого можно было узнать в самом Планетарии, среди лучших зданий Москвы, Культурный центр готовили к превращению в центр наживы и развлечений. А для чего собственно, им, то есть нам! – культура.

Я не могу восстановить всю историю Планетария, но могу сказать, что долгие десятилетия "застоя" Планетарий, как Культурный Центр и Центр астрономического просвещения, действовал и процветал. Об этом можно было судить по тем талантливым астрономам, которые потом приходили работать в Астрономические Институты и обсерватории. Многие из них прошли через школьные кружки Планетария.

Именно, знаменитый лектор Планетария В.А.Шишаков воспитал и таких теперь всемирно известных астрономов, как И.Д.Новиков, член-корр. РАН, работающий сейчас в Стокгольме в области космологии, или Ю.Н.Ефремов, профессор МГУ, исследователь Галактики, или ведущий научный сотрудник ГАИШ А.С.Шаров и многие другие менее известные астрономы и астрономки.

Ярким событием в жизни Планетария были постановки нескольких пьес из жизни великих астрономов. Под звездным небом была представлена жизнь Галилео Галилея и история жизни и гибели Джордано Бруно. Сцена, на которой шло действие, была вполне технически совершенна, она была вращающейся, акустика зала безупречна и даже шёпот артистов, когда требовалось передать зрителю их подспудные мысли, были различимы.

Пьесы были посвящены злободневным темам антирелигиозной пропаганды: борьбе инквизиции с научной ересью. Ухищрения, к которым прибегали церковники, были сродни современным нам методам казуистики, хотя учреждения, для них современные, были другие и носили иные названия. Не думаю, что в те времена зрители воспринимали тонкие намеки на очевидные обстоятельства, но пьесы смотрелись с неослабевающим интересом. И обычно зал был полон.

В те времена протестантская Англия считалась свободной страной. Джордано Бруно скрывался у английской королевы от преследований инквизиции, читал там свои лекции о бесконечности миров и имел своих поклонников и учеников. Были показаны и его бесконечные споры с ортодоксами церкви.

Тем временем к Джордано подсылались из Рима всякого рода лазутчики, которые обещали Джордано покровительство папы, кров и свободу высказываний. Наконец, Джордано соблазнился посулами и, как агнец, был предан инквизиции. Конец известен: на фоне темнеющего звездного неба Планетария разгорается багровый свет костра инквизиции. И громовый голос Джордано возглашает: "Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я его выслушиваю". И лицемерный елейный голос одного из ватиканских судей завершает диалог: "Он мог бы стать папой, если бы не был еретиком!".

И Галилео Галилей, когда он направлял свой первый телескоп, похожий на подзорную трубу, на Луну и звёзды, наткнулся в темноте на черных безмолвных монахов, следивших за каждым его шагом. Неутомимыми преследованиями и угрозами отлучения от церкви – а это была страшная кара, концом которой был костер, Галилея заставили отречься от самого себя, от своих взглядов, от коперниканской "ереси" о движении и вращении Земли.

Недавно сообщили, что церковь простила своим мученикам их прегрешения. Пьесы о Галилее и Бруно можно закончить на оптимистической ноте.

Но вот сам Планетарий, светлый источник астрономических знаний, оказался в столице России ненужным, – в России, некоторое время ходившей в передовых и мощных державах.

Неизвестно, до какой степени ненужности дошло разрушение Московского Планетария. Стало строительной традицией – чтобы что-либо построить или реставрировать вся местность и объект реставрации превращаются в свалку. Вокруг свалки тут же воздвигается забор и выставляется вооруженная охрана. В этой стадии и находится Планетарий. А между тем слава Планетария живет. Во время недолгого стояния астрономов Москвы у забора на Кудринке, подходили приезжие люди и спрашивали, где тут Планетарий и как в него попасть. Поэтому, если еще не безнадежно испорчен сам аппарат планетария, включите его на постоянную демонстрацию звездного неба, люди будут приходить и любоваться звездами, которые не так просто увидеть в Москве (например, в сочетании с классической музыкой).

Но в Планетарии следует развернуть и театральную деятельность. Сочетание науки и искусства – действенный способ пропаганды научных знаний. Помимо лекционной деятельности, которая в современных условиях неэффективна (забывается модными мистическими и оккультными квазинаучными деятелями), театр, если он талантлив и рекламируется, может привлечь и спонсоров, стать рентабельным.

Сцена может сдаваться для гастрольных постановок. Нетрудно представить, как эффектно выглядели бы постановки древнегреческих пьес, которые, как известно, ставились под открытым небом. Аппарат Планетария позволяет показать небо, каким видели его древние греки. Во время церковных праздников можно ставить мистерии, воспроизводя небо Древней Палестины. Наконец, постановки детских театров может привлечь юных зрителей и режиссуру.

Нам кажется абсолютно неприемлемым устраивать из Планетария злачное место (как будто их не хватает в Москве). Это значит подвергать опасности банкротства и разрушения серьезного дела. Учреждения, ставящие целью развлечения определенного круга людей, контролируются неофициальными структурами.

Н.Е.Курочкин
Ст. научн. сотр. ГАИШ. МГУ.
1999 г.
